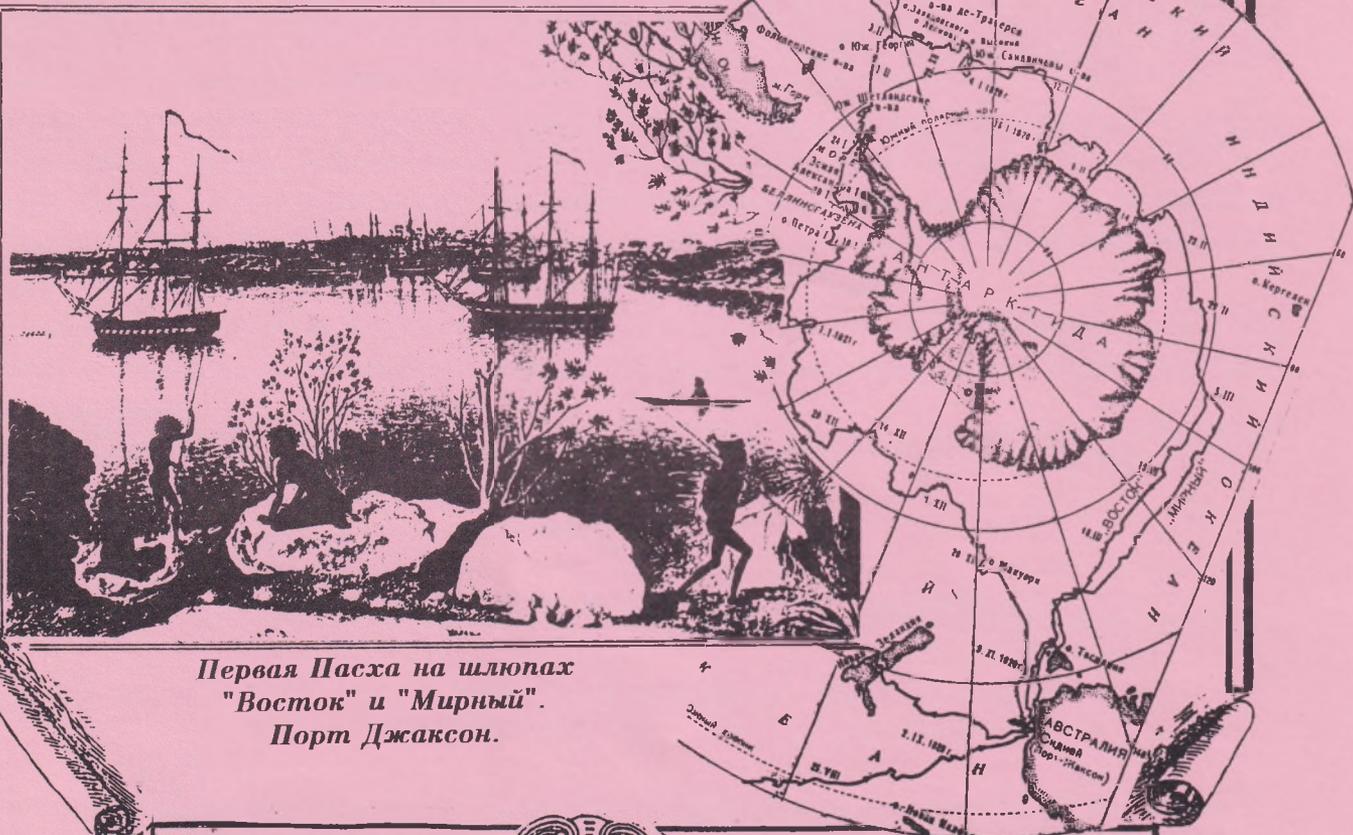

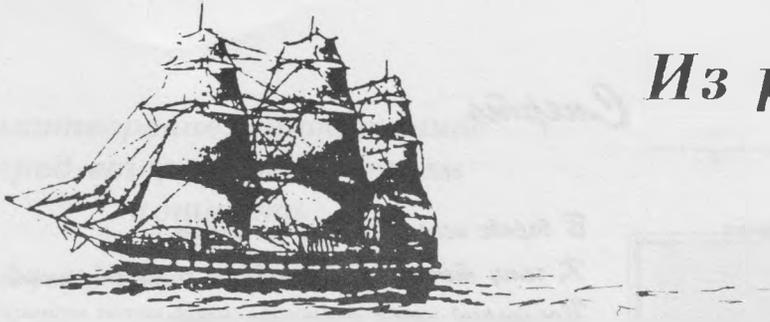
АВСТРАЛИАДА

Русская летопись

Первая Пасха на шлюпах
"Восток" и "Мирный".
Порт Джаксон.

Из ранней истории

Помните ли вы, читатель, вашу первую встречу с австралийской землей? Как всматривались вы в нее с борта корабля или из окна самолета и как впервые оказались наедине с ней - в буше. Сжалось ли с тоской ваше сердце при виде этой чужой земли? А, может быть, ее природа сразу очаровала вас? Чувствуете ли вы теперь, проведя часть жизни в Австралии, ее "своей", не менее родной чем русская? У русского образа австралийской земли долгая и прихотливая история и мы надеемся, что ваши воспоминания продолжат начатую нами тему - ведь для будущих историков этот материал не менее интересен, чем ныне для нас впечатления первых русских путешественников.

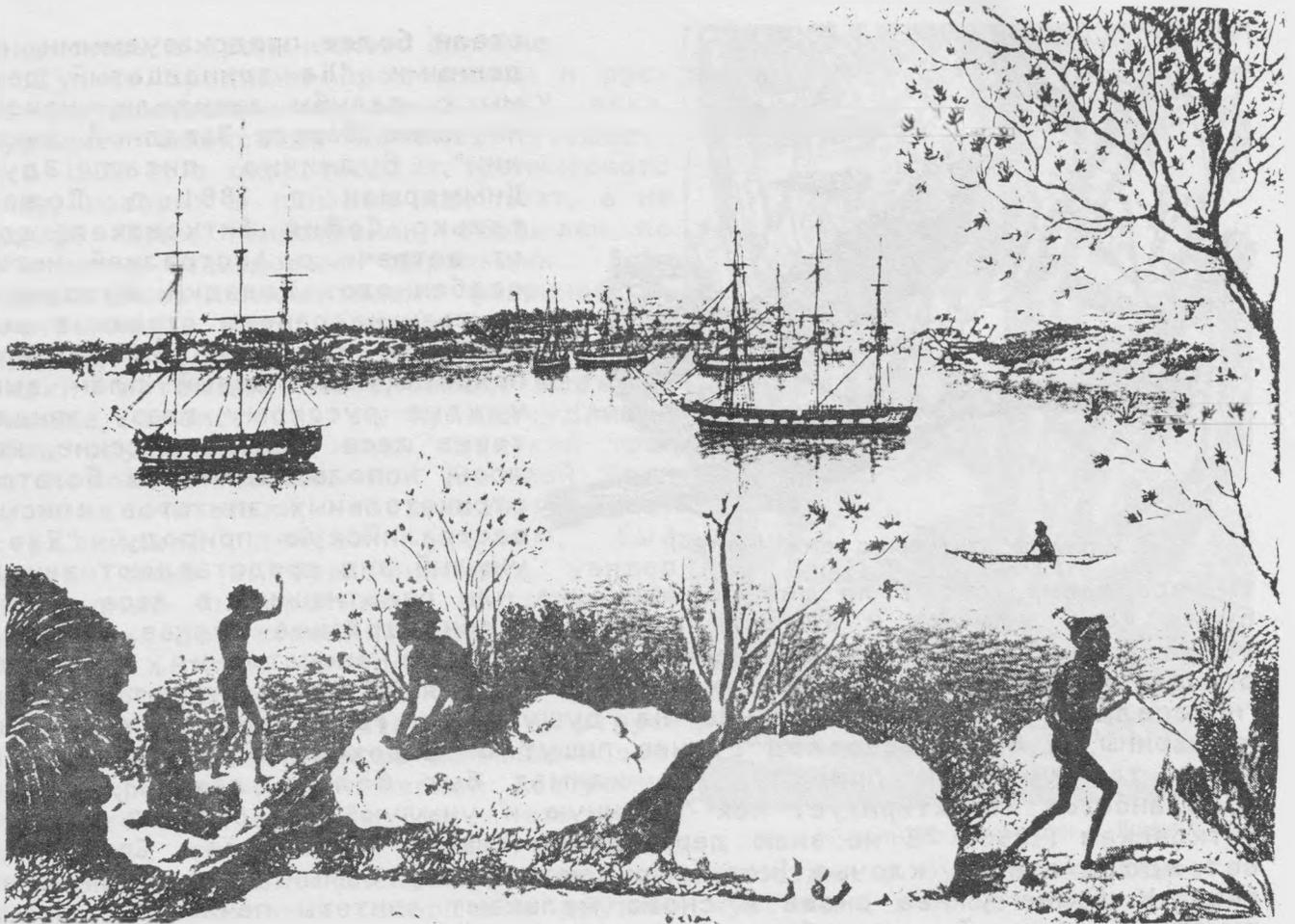
Елена ГОВОР

"Я НЕ ЗНАЮ ДЕРЕВЬЕВ ПЕЧАЛЬНЕЕ ЭВКАЛИПТОВ..."
(ранние русские впечатления об австралийской природе)

"Одним мореходам понятна та радость, которая ощущается после долгого плавания при виде берега",—писал С.Унковский в 1814 г. Приближаясь к Австралии, моряки особенно сильно ощущали эту тягу к земле, так как переход в холодных южных широтах нередко длился около трех месяцев. Неудивительно поэтому, что морякам австралийский берег казался "желанным", "вожделенным", "прелестным", "очаровательным", "цветущим", "царством вечной весны" и даже "раем".

Ранние поселенцы обычно считали австралийскую землю и природу чуждой, странной, суровой и враждебной, земля подавляла их своим пространством. Для русских моряков был характерен совсем другой образ—сначала Австралия воспринимается ими только как берег желанного дикого южного острова, тропического рая. Образ этот можно назвать Сиднеецентричным; моряки, как кажется, в то время не осознают огромности Австралийского континента и его природного разнообразия. Описание в 1814 г. А.Российским, штурманом "Суворова", мыса Беннелонг,—на котором ныне расположен Оперный театр,—дает типичный пример такого романтичeskи-восторженного восприятия: "С одного края поднимаются уступами морские скалы, у коих плещутся волны, разбиваясь с пеной о камни; с другого простираются цветущие долины, осененные благовонными роицами, откуда несется восхитительное пение птиц". Подобное же очарование австралийской землей звучит в записках и других русских. "Любимую мою прогулку были леса новоголландские,—вспоминал мичман "Мирного" П.Новосильский.—Часто с раннего утра... я отправлялся с карманным компасом, на многие мили в чащу леса... По узкой, иногда непроходимой тропинке, чрез камни, чрез кустарники, из которых выползали шипучие змеи, я пролагал путь далее и далее... Сколько новых деревьев, растений, цветов, птиц привлекали на себя внимание! ... Усталый, измученный, но полный приятных впечатлений, возвращался я иногда поздно вечером на шлюп". Астроном "Востока" И.Симонов, живший в палатке на мысу Кирибилли, был покорен "безмолвным величием австралийской ночи", его описание одной из таких ночей исполнено поэзии: "Серебряный серп Луны катился уже вниз на своде голубом и расстилал по зелени лугов длинные тени столетних бенксий, легкий прохладный ветерок перебирал их листья, что-то им нашептывал и резвился вместе с ними".

В отличие от австралийцев, у которых странности австралийской природы нередко вызывали раздражение, русские воспринимали их с интересом, их часто захватывала именно эта необычность всего окружающего. Д.Завалишин, побывавший в 1823 г. на Тасмании на "Крейсере", писал: "Австралийская природа не поражала нас так своим могуществом и не ослепляла так своим

Павел Михайлов. Вид с северной стороны города Сиднея в Порте Жаксон. 1820
(Русский государственный музей)

великолепием, как бразильская, ... [но] она едва ли не была для нас интереснее потому, что ниспровергала все привычные наши понятия о произведениях царства растительного и животного".

Эти особенности русского видения можно объяснить, с одной стороны, тем, что русские, как северяне, не были избалованы теплом и богатой растительностью. С другой стороны, они, в отличие от поселенцев, которым приходилось покорять новую землю, приезжали в Австралию лишь на короткий срок, на отдых. Кроме того, психологически, Австралия была для них преддверием на пути в Южные моря, в Океанию, и поэтому виделась скорее как часть стереотипного образа океанийских островов, чем как часть обширного континента с преимущественно суровыми условиями. Постепенно образ изменяется от романтического к реалистическому, и видение природы становится более глубоким, от берегов Порт-Джексона взгляд обращается к Голубым горам и проникает за них. На смену "благовонным рошицам" Российского приходят детальные описания растительных зон, сделанные Беллинсгаузеном и Штейном в 1820, а А.Шабельский в 1822 г. обнаруживает, что "цветы Новой Голландии, которые природа расписала богатыми красками, лишены ароматического запаха". "Восхитительное пение птиц" (1814) заменяется "резкими криками" и "свистом" (1820) и отсутствием "приятного пения" (1822). А в 1829 г. мичман "Кроткого" Е.Беренс обнаруживает, что "птиц в окрестностях Порты-Джексон стало чрезвычайно мало, ... ибо всякий здешний колонист имеет ружье и охотится".

В конечном итоге, несмотря на первоначальное очарование, русские оставались верны неброской красоте родной русской земли. Беллинсгаузен писал в своем дневнике: "Как ни разительна сия прекрасная цветущая природа, но чрезмерно знойный климат, солнечный жар и самый аромат невольно побуждают мысленно обратиться и вспомнить приятный прохладный весенний вечер отечества нашего в березовой или липовой роще, коих запах касается только слегка".

Во второй половине XIX века романтический образ Австралии начал уходить в прошлое. Изменились представления о расстояниях, путешествия

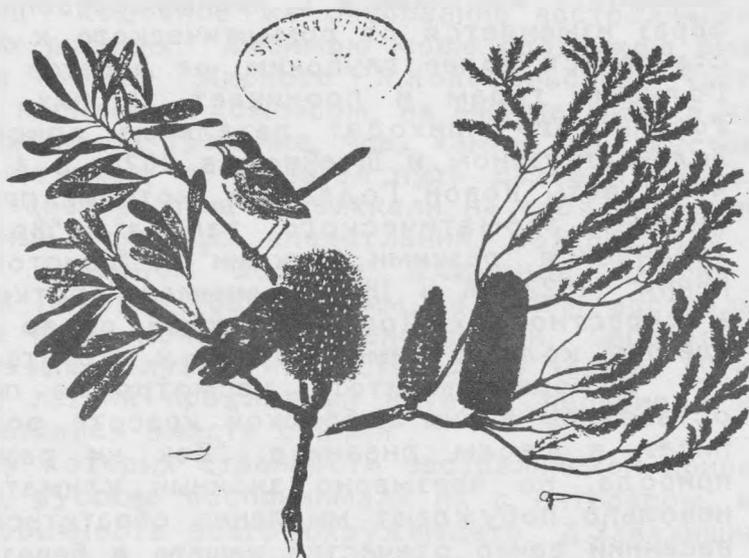

Л. Михайлов. Птица принц регент (мэгпай)

ты, все равно, стоят ли они по одиночке или сплотившись в леса. Светло-бурая кора лупится и висящие клочья, словно грязное тряпье, окружают голый ствол", передает Циммерман свои первые впечатления. И далее в описаниях австралийского пейзажа у него постоянно присутствуют "мрачные", "невеселые" "наводящие уныние на душу" леса эвкалиптов, "сумрачные" казуарины. И он, и Всеволод Руднев пишут о "шероховатой, тусклой траве". Даже тасманийскую природу, где климат был более влажным, адмирал А. Асланбегов характеризует как "мрачную и унылую". Не отстает от них и Витковская (1896): "Я не знаю деревьев печальнее эвкалиптов... Свешивающиеся вдоль ствола клочья [коры] придают дереву самый жалкий, нищенский вид". И далее у нее снова и снова мелькают эпитеты печальный, унылый, грустный, жалкий, однообразный. Очевидно, что русские особенно остро чувствовали контраст между русским лесом и лугом—и всей цепью связанных с ними культурных и фольклорных ассоциаций—и австралийским бушем. Для русских лес—это тенистые дубравы или светлые, наполненные игрой солнечных бликов березовые рощи, поляны в лесу с мягкой травой-муравой. Под влиянием этих ассоциаций Циммерман пишет об Австралии: "здешний луг не веселит взора подобно нашему".

Даже австралийские "красоты" оставляют русских в те годы равнодушными. "Не отличаясь богатством растительности, Голубые или Синие горы все-таки дают красивую панораму", это было все, что нашел нужным сказать о них Руднев. Витковская еще более критична: "«Достопримечательности» [Катумбы] были ничтожны, чтобы не сказать жалки. Крошечные до смешного водопадики, какие бывают десятками на любом ручье, могут вызвать восхищение только самих австралийцев, да и то потому, что это свое, родное; у нас бы не решились печатно зазывать смотреть такие «чудеса»". Очевидно, что природа юго-восточной Австралии, контрастируя с русской природой, в то же время "неотягивала" до того романтического образа "дикой" природы, которую русские ожидали найти здесь. Эту жажду экзотичного лучше всего могли удовлетворить только австралийские тропики. Например, Витковская "после длинного ряда прозаически-будничных впечатлений" почувствовала "себя вольно среди вольной природы", ощутила ее

стали более предсказуемыми, обыденными. "На тринадцатый день... мы с палубы завидели, наконец, песчаные берега Западной Австралии", буднично писал Эдуард Циммерман в 1881 г. Пожалуй только София Витковская ждала от встречи с Австралией чего-то особенного. Поездки русских во внутренние районы страны в корне изменили их образ австралийской природы, на первый план вышли чуждые русскому глазу эвкалиптовые леса. Теперь русские, казалось, использовали все богатство отрицательных эпитетов описывая австралийскую природу: "Что за унылый вид представляют эвкалип-

Л. Михайлов. Банксия и медсосос

поэзию лишь в тропическом Дарвине.

Ту же традицию продолжили и русские путешественники начала XX века. Натуралист Александр Яценко, путешествуя в 1903 г. в окрестностях тропического Кернса, говорит о пейзаже как поэт, а не географ: "Крик таинственен, обрамлен по обе стороны мангровыми деревьями... Возвращение было положительно феерическое. Таинственность мест, быстро наступающая темнота, загорающиеся фосфорические огоньки летающих насекомых, влажная прохлада, змеистость пути, причудливые стебли спускающихся лиан, далекий трезвон колокола". Экономист Николай Крюков, тоже считавший, что эвкалипт делает австралийский пейзаж унылым, был очарован лишь в горах Виктории, увидев древовидные папоротники, которые он описал как "допотопный пейзаж сказочной прелести". Хотя и не тропики, это было нечто экзотическое.

И все же уже в начале XX в. у русских постепенно создается понимание ценности и красоты нетропической Австралии. Яценко, который вначале, как и его предшественники, писал об "унылом пейзаже", уже через несколько дней во время первой поездки в буш в окрестностях Аделаиды был охвачен совершенно другими чувствами и пишет "об островке настоящего скреба", уцелевшего среди вырубки, "среди повсеместного разрушения во имя культуры", как о "чудных остатках австралийской природы". Еще ярче эти чувства выразил Константин Бальмонт в 1912 г. Он воспевал не тропики, а австралийский буш: "Голубеет эвкалипта стройный ствол, куст невиданной акации расцвел... Только это все лишь малый уголок,—громче пенья птиц на фабрике гудок... Обездолили весь край своей гурьбой. Черный лебедь песнь прощальную пропой". Педагог А. Нечаев в 1916 г., путешествуя по Голубым горам, нашел новые образы для описания эвкалиптов: "Живописные группы прозрачно-лиственных эвкалиптов, со своими излучистыми, блестящими как серебро стволами". И вид с холма на "темно-голубые бархатистые" кроны эвкалиптов напомнил ему всплески грандиозных застывших волн. Натуралист В. Любименко в 1913 г. писал об эвкалиптах не столь поэтично, но все же положительно: "Эвкалиптовый лес поражает прозрачностью, соединенной с мощностью стволов. Его величие постигаешь лишь при наблюдении издали".

Итак, за век с небольшим русские моряки и путешественники в восприятии природы Австралии прошли путь от восторженного образа тропического рая в начале XIX в. до острого неприятия австралийского буша в конце века и к постепенному осознанию его своеобразной красоты перед лицом уничтожения в начале XX в. Русская же печать, напротив, всегда воспринимала Австралию только как синоним экзотической земли на краю света.

Литература

Тексты русских моряков и путешественников цитируются по кн.: Российские моряки и путешественники в Австралии, М., 1993, а также по диссертации E. Govor, *Russian Perceptions of Australia, 1788-1919*, PhD Thesis, The Australian National University, Canberra, 1996, pp. 21-24, 83-87, 199-201.

Река Муррей. Из коллекции А. Яценко